

О прозе писателей Ставрополя

Часто приходится слышать, что в наше время нет различий между литературой всесоюзной и периферийной, что периферийной литературы просто не существует, а есть одна многонациональная советская литература. Для доказательства этой мысли приводятся имена писателей, пользующихся всенародной известностью и живущих далеко от Москвы: В. Белова, Е. Носова, А. Калинина, В. Закруткина и других. Но стоит ли доказывать, что таланты рождаются не только в столице. Если уж говорить о каких-то литературных рубежах, то они определяются скорее всего не географически, а определенным кругом идей, проблем, характеров. И в этом смысле более всего оснований утверждать единство всей нашей литературы, где бы, в каком отдаленном уголке нашей Родины она ни рождалась. Вот с этой точки зрения и хочется взглянуть на то, что сделано писателями Ставрополя за последнее десятилетие, насколько в их произведениях отражается общая направленность советской литературы, ее идейная жизнь, насколько выполняют они свой гражданский долг перед читателем, ждущим ответа на вопросы, которые ставит жизнь.

* * *

Одной из особенностей прозы последних лет,— когда страна наша уже отметила 50-летие Октябрьской революции, столетие со дня рождения В. И. Ленина, когда готовится встретить 50-ю годовщину СССР,—

является настойчивое внимание к историческому прошлому нашей Родины. Интерес этот — естественный, я бы сказала, необходимый. Это обращение к прошлому имеет основания и социально-экономические, и идеологические, и чисто психологические. Осмыслить опыт полувекового существования нашего общества, соотнести, опираясь на этот опыт, ленинские предначертания на будущее с нынешним состоянием нашего общества, еще раз с помощью этого точнейшего компаса проверить направление нашего движения в завтрашний день — без этого ни общество в целом, ни каждый человек в отдельности просто не могли бы жить, двигаться вперед.

Гражданская война, годы социалистического строительства, Великая Отечественная война — весь наш исторический путь — подтвердили историческую необходимость Октябрьской революции, ее народный характер, единство рабочего класса и трудового крестьянства с Коммунистической партией. Проза, посвященная историческому прошлому, включает в себе прежде всего этот основной вывод. С другой стороны, отличительной особенностью прозы именно последних почти двух десятилетий является и то, что она с великой пристальностью вглядывается в значение каждой человеческой личности, осмысливает ее место в исторических битвах. Личность и история — это стало проблемой времени; причем писателей привлекает и личность таких масштабов, как Ленин, и личность рядового деятеля революции, и их взаимосвязь, их взаимодействие.

Романы М. Шолохова и К. Федина, С. Залыгина и К. Симонова, Г. Маркова и Ю. Бондарева, М. Шагинян и В. Астафьева — это грандиозное полотно, представляющее с разных сторон подвиг народа, выстрадавшего, завоевавшего, «вынянчившего» новое

общество. Вспомним хотя бы картины «арары» в «Соленой пади» Залыгина. Дети, женщины, старики по доброй воле собираются в страшную своей немощью толпу, они идут впереди партизан на белых с неумолкаемым криком ура— ура — ура,— идут безоружные. Психологическая сила воздействия была настолько велика, что враги поворачивали вспять. Бесплодность их борьбы с революцией становилась очевидна: нельзя воевать с народом, его одолеть невозможно. Эта сцена воспринимается как художественно емкий символ народного гнева, который стал одним из источников победы революции.

А история таких характеров, как Мещеряков, Довгаль, Петрович, яркое свидетельство становления личности в революционной борьбе, расцвета ее инициативы, ее способностей.

Когда берешься за перо, возникает странное чувство, которое я назвала бы чувством читателя. Словно бы где-то за спиной или в тебе самой сидит читатель и твоим собственным голосом задает тебе вопросы. Вот и сейчас я слышу его голос: так-таки, значит, наши писатели ничего нового и не сделали. Стоит ли снова и снова доказывать то, что является истиной несомненной? Вот когда В. И. Ленин сразу после Октября спорил с Каутским, доказывая, что революция не навязана незрелой массе большевиками, а совершалась силами самой этой массы, это было естественно. Тогда, в то время, надо было доказывать и спорить, и штыком и словом. А о чем же спорить сейчас, когда более полу столетия существует могучее социалистическое государство?

И все же позволю себе поспорить, прежде всего с этим незадачливым читателем. Да, незадачливым. Потому что думать, что мы можем спокойно почивать на лаврах, что доказывать некому и нечего может только незадачливый читатель.

Мы живем в обстановке острой идеологической борьбы, принимающей чем далее, тем более сложные формы. И разве, когда всевозможные буржуазные

теоретики или ревизионисты типа Э.Фишера утверждают, что в социалистическом обществе «все решает партия», а массы лишь пассивные исполнители ее велений, что планирование «закабалает человека», что личность в социалистическом обществе подавлена, разве за этими «откровениями» не чувствуется тех же идейных посылок, с которыми когда-то боролся Владимир Ильич?

Осмысление исторического прошлого, и прежде всего Октябрьской революции в ее движении и развитии, становится своеобразной выверкой социальных критериев. Обращаясь к истокам нашего общества, к тому времени, когда социальные отношения были предельно обнажены, воочию убеждаешься в том, что любое, казалось бы, общечеловеческое чувство не может быть понято вне породивших его общественных отношений.

Писатели нашего края теме исторического прошлого уделяют первостепенное внимание. В предисловии к своей книге «Судьбы» Михаил Усов точно определяет характер отношения к прошлому: «Без прошлого не было бы настоящего, того, что происходит сейчас, чему мы отдаем все свои силы — борьбе за торжество коммунизма. Без истории нельзя понять этого настоящего, несущего в себе наше дыхание, наш труд. Без прошлого нельзя представить нашего будущего». Под этими словами могли бы подписаться и многие другие писатели, создавшие в последнее десятилетие произведения, посвященные историческому прошлому нашей Родины. Это «Тайна Марухского ледника» В. Гнеушева и А. Попутько, «Та, далекая весна» П. Мелибеева, «Там вдали, за рекой» К. Черного, «На переломе» С. Дроздова, «Молоко волчицы» А. Губина.

Создавая книгу о Ленине, С. Дроздов кропотливо восстанавливает тот исторический фон, на котором осуществлялась деятельность В. И. Ленина накануне Октября. Слово «фон» здесь можно употребить лишь условно.

Гораздо более подходит другое — окружение. Мы постоянно чувствуем, что Ленин окружен людьми, что он в гуще народа — даже тогда, когда ему приходится скрываться в подполье. Беседы Ленина с Емельяновым и другими товарищами, сцены в деревне и среди рабочих создают это ощущение теснейшей связи с народом. В отношении психологической углубленности образа, проникновения в глубины души роман Дроздова уступает повести Э. Казакевича «Синяя тетрадь», посвященной этому же историческому периоду, — но в то же время он дает более исторически широкую и даже, я бы сказала, верную картину, так как ни на мгновение не вырывает образ Ленина из гущи событий, что в высшей степени соответствует самому существу образа вождя — его единству с партией, с народом.

Михаил Усов задумал свою книгу «Судьбы» как воспроизведение судеб действительно живых людей, лучшие свои силы, молодость отдавших революции. Это Костя Полозенко, Гриша Попов, Антон Гладких, Федя Шумаков, Федя Харченко, Антон Анисимов и многие другие. Все они жители города Георгиевска, наши земляки. Рядовые революции. Книга Усова привлекает прежде всего своей фактичностью, тем, что открывает реально бывшее, восстанавливает в памяти людей тех, кто не подлежит забвению.

Такие же рядовые революции — герои книг К. Черного «Там вдали, за рекой» и П. Мелибеева «Та, далекая весна». Проблема, волнующая писателей, одна — преемственность поколений; они стремятся, каждый по-своему, выяснить линии, по которым осуществляется связь настоящего с прошлым.

Идейная убежденность — вот то основное, определяющее облик поколения, воспитанного революцией, что должны как эстафету принять наши современники. В этом видит К. Черный внутреннюю связь одного из своих героев, молодого парторга с комсомольцами двадцатых.

«Этот не отмолчится на собрании во время спора», — думает о нем автор и, глядя на юношу, размышляя о прошлом и настоящем, делает вывод для себя: «Это, может быть, важнее всего — найти сейчас ответ на вопрос о том, что тебя так волнует и радует». Человек должен знать, чего он хочет, что он любит, что ему дорого. Не пассивная исполнительность, а действенная нацеленность всей природы человека на достижение целей, которые приняты им не только как цели общественные, но и как его собственные, личные цели. В этом эмоциональная основа убежденности. Герои этой небольшой повести сильны своей цельностью, они не растеряли свои идеалы в годы испытаний. Что же помогло им выстоять против всех бурь житейских, сохранить убежденность, сохранить в себе человека? На этот вопрос один из героев, бывший комсомолец двадцатых годов Павел Иванович, председатель колхоза, отвечает: «...вся суть в том, что работал вместе с народом, с колхозниками». В верности этому важнейшему завету революции и проявляется преемственность поколений.

В книге П. Мелибеева «Та, далекая весна» (это первая часть задуманной автором трилогии «Крылья Икара») есть образ, выражающий смысл всей книги. Молодой революционер Стрельцов, истерзанный кулаками, медленно умирает от туберкулеза, умирает, мечтая до последнего вздоха об учебе, о том, что когда-то овладеет самолетом, научится летать, обретет крылья Икара. Внутренний смысл этого образа — это и есть идея книги. Стрельцов умер, но хотя он и не стал летчиком, мечта его осуществилась — вся жизнь его была тем взлетом к солнцу, который совершил Икар на своих крыльях. Красота и значимость героической жизни в том, что она рождает подражание, стремление продолжить, повторить ее. Для автора важно, что преемственность подвига возникает не только из причин социального характера, но и из

постоянной жажды человека совершить рывок, чтобы взлететь на вершину своих духовных и физических сил. О продолжении подвига Стрельцова Мелибеев рассказал в книге «Найди себя», книге о днях сегодняшних.

Обе книги, и «Там вдали, за рекой» и «Крылья Икара», фактически приводят всей логикой образов к выводу, что у высоких нравственных качеств человека есть свои социальные корни, что их основа в настоящее время — социальное равенство, которое дала людям революция. На колхозном празднике чествуют старую учительницу Дарью Никифоровну (повесть «Там вдали, за рекой»). Крестьянская дочь, с малых лет сирота, до революции, скорее всего, ничего не извела бы она, кроме батрацкой доли, а революция дала ей все. Мы уже перестали удивляться подобным фактам, потому что их слишком много. Но забывать о них нельзя. Дарья Никифоровна, сохранившая верность погибшему в гражданскую жениху, говорит: «Сердце никому не отдала с тех пор, а душу — душу отдала людям. В этом мое счастье». Ее доброе отношение к окружающим — это ответное чувство на доброту, которой она была щедро награждена обществом. Эта человечность отношений — ценнейшее следствие социалистической революции.

Историческая неизбежность Октябрьской революции и всех тех социальных преобразований, что принесла она с собой, художественно обоснована в романе А. Губина «Молоко волчицы». С первой до последней страницы книги звучит одна ведущая мелодия: нет ничего дороже для человека, чем Родина. Герои книги, терские казаки, по-разному относятся к революции. Одни из них, как Михей, делали ее своими руками, другие, как Спиридон, приняли ее как неизбежность. И это ведь тоже доказывает, что у России другого пути не было и быть не могло. Если бы такие пути существовали, вероятно, Спиридон еще долго гонялся бы за призраком казачьей вольности. Спиридон сдался, принял революцию;

правда, она его долго не принимала. В этом было ее историческое возмездие. Прощение казак заслужил прежде всего патриотическим подвигом во время Великой Отечественной войны.

Роман Губина и более всего история характера и судьба Спиридона убеждают в том, что в периоды социальных потрясений патриотизм заблуждающихся, если чувство это глубокое, включает в себя возможность перехода на сторону революции и искреннего ей служения. В понимании и художественном воплощении патриотизма есть то диалектическое единство социального и общечеловеческого, что позволяет увидеть душу мятущегося, заблудившегося человека в движении, борьбе чувств и понять в ней главное, то, что определяет судьбу человека. Исконная привязанность Спиридона к земле, на которой родился и вырос, в конце концов победила социальные предрассудки, порожденные принадлежностью к привилегированному сословию.

Воспроизведение в отдельном человеке — через его индивидуальные особенности — единства конкретно-исторического и общечеловеческого создает ту полноту, емкость образа, что является важнейшим признаком художественности. Перекос в ту или иную сторону приводит к идейным и художественным просчетам. Когда Губин пытается найти истоки характера Глеба Есаулова не в сложном сплаве психологического и социального, а в чисто биологической его природе, то Глеб, великолепное воплощение стяжательства и скопидомства, превращается в странный призрак, лишенный плоти и крови.

Михей Есаулов так выражает свое представление о человеке: «Один писатель сказал, что всю жизнь выдавливал из себя по капле раба. А я выдавливал из себя зверя». Но как мудр был Чехов, когда сказал свои слова. Именно раба надо вытравить в себе человеку, те качества, что воспитали в

нем века социального неравенства. Искать же причины человеческих пороков в звериной природе человека бессмысленно хотя бы потому, что наукой установлено: человек приобрел свои человеческие качества — и прекрасные, и дурные — в ходе своей истории, а не от природы.

Некоторая тенденция к абстрактно-гуманистическому восприятию войны проявилась в рассказе Е. Карпова «Крупица добра». Это рассказ о том, как четверо советских солдат бежали из немецкого плена. На их тяжком пути, на вражеской земле, встретились двое стариков немцев: муж и жена. Первое чувство пленных: немцев надо убить, иного выхода нет. Первое чувство стариков: страх. Солдаты пожалели стариков, а те указали им дорогу и место в лесу, где можно передохнуть и поесть. Рассказ заканчивается обменом трогательной благодарности и словами автора:

«Почему этот случай, совсем не характерный для прошлой войны, остался в моей памяти наравне с теми, что запомнились до самой смерти?»

Трудно сказать. Возможно, потому, что это была первая крупица добра, встреченная нами на вражеской земле. А может, моя память уже устала хранить только страдания и кровь и потому ищет в том тяжелом прошлом крупицы добра...».

Желание искать крупицы добра во всем очень естественно, но ведь добро — это не драгоценный металл, который можно отделить от руды или песка. Оно всегда существует не само по себе, а с примесями, т. е. оно исторически конкретно. Вот и попробуем подойти к рассказу с точки зрения исторически конкретной.

Случай, описанный в рассказе, произошел, очевидно, в феврале 1945 г. Месяц автор называет сам, а год можно установить, судя по словам одного из солдат, который, желая обмануть стариков, убеждает их, что пленные пробираются к англичанам. Второй же фронт был открыт летом 1944 г. В

феврале 1945 года война уже перешла с нашей земли на территорию Германии, финал войны был очевиден. В это время в фашистской Германии многие начали «добреть». Это было естественное отрезвление. Оно включало в себя очень многое и прежде всего осознание исторической неизбежности.

Если попытаться проникнуть в души стариков, которые помогли пленным, то скорее всего там можно было обнаружить многие и достаточно сложные чувства. Автор прав, когда обнаруживает в них отвращение к войне: у них погибли сыновья на фронте. Но умиление по поводу «крупицы добра» звучит по меньшей мере фальшиво.

Дело в том, что искусство, даже если оно избирает объектом частный случай, ищет в нем характерное. И автор попытался это характерное, как мы видим, вывести, обозначить в конце рассказа, назвав его «крупицей добра». Но он не делает даже попытки взглянуть на этот случай, учитывая сложность ситуации, учитывая конкретно-историческую его подоплеку, Е. Карпов как бы отбрасывает тот факт, хочет забыть то, что это была война совершенно разная по своему характеру для наших солдат и для немцев, что отвращение к войне у тех и других должно включать в себя совершенно разные оттенки. И уж умиляться по поводу «крупицы добра» в подобной ситуации едва ли стоит. Не с признания обывателем неизбежного исхода войны началось то большое добро, которое привело к созданию ГДР, а с антифашистской борьбы немецких коммунистов, с той огромной воспитательной работы, которая велась годы.

В очерке «Радуги жаждут» Карпов так высказался о назначении писателя: «Главная задача писателя, думал я, ходить по земле, отыскивать важное, истинное, красивое и рассказывать о нем людям. Он должен увидеть добро, поверить в его силу и потом обращать в свою веру встречающихся на его дорогах людей». В таком понимании главной творческой задачи писателя нельзя не

заметить определенной тенденции к абстрактному гуманизму. В какой-то степени она присутствует и в рассказе «Пять тополей», опубликованном недавно.

Утрата представления о конкретно-исторической подоплеке явления ведет к идейным и, в конечном счете, художественным просчетам. Этого забывать нельзя. Но и недостаточное проникновение в индивидуальную природу человеческой личности ведет к схематизму. У литературы, например, сложился определенный эталон партийного работника. Нередко наши писатели слепо следуют этому эталону. Например, коммунист Полозов в повести П. Мелибеева «Та, далекая весна» или молодой парторг Женя Плужников в повести К. Черного «Там вдали, за рекой» — не столько люди, сколько носители определенных положительных качеств. Большую индивидуализацию, психологическую аргументированность хотелось бы видеть и в произведениях С. Дроздова и М. Усова. Изображение человека или явления исключительно во внешних проявлениях опасно тем, что ведет к описательству, делает произведение беспроблемным. И если возникает такая опасность, писатель должен придержать перо и сказать себе: остановись, эта тема в тебе еще не вызрела, ты не сделал все, что должен сделать.

Лучшие произведения советской литературы последнего времени о груди верны горьковскому завету: видеть главного героя литературы в человеке, совершенствующемся в процессе труда, возводящем труд на ступень искусства. В них всегда чувствуешь ту поэтизацию «свободного труда, свободно собравшихся людей», в котором Маяковский видел существо социализма.

Вспомним хотя бы роман В. Кожевникова «Знакомьтесь, Балугев» и его же повести «Особое подразделение», «Петр Рябинкин» или «Журбины» В. Кочетова, «Битва в пути» Г. Николаевой, «Барбинские повести» С. Сартакова — произведения о рабочем классе. Или

роман Ф. Абрамова «Две зимы и три лета», посвященный нелегкому крестьянскому труду, или романы Д. Гранина, исследующего труд ученых. Писатель, конечно, может посвятить свою повесть или даже роман исключительно личным отношениям людей, его произведение может быть и сильным и значительным, может отразить в себе существенные стороны действительности, но никогда не даст полной и широкой ее картины, никогда не даст многостороннего, диалектического решения того или много жизненного вопроса. Потому-то, не отрицая важность любой темы, так часто критики говорят о необходимости больше, серьезнее, значительнее писать о труде, о формировании человека в трудовом процессе. Эта проблема — актуальнейшая среди «действительно важных проблем коммунистического воспитания и строительства», о которых говорилось на XXIV съезде КПСС.

У писателей Ставрополя есть свои традиции в решении проблемы труда. Произведения И. Егорова, С. Бабаевского, В. Туренской отразили определенные этапы в жизни нашего края потому, что труд занимал там место важнейшее, был основой сюжета и конфликтов, а не материалом для боковых эпизодов.

К сожалению, в последнее время таких произведений появилось в нашем крае немного. Мы можем назвать немало повестей и рассказов, где в центре — важнейшие нравственные проблемы. Это «Только одни спектакль» П. Мелибеева, «...И личного счастья» К. Черного, роман Г. Шумарова «Круглый стол на пятерых», повесть Е. Карпова «Не родись счастливым», рассказы М. Грешнова, В. Дятлова. О взаимоотношении человека и природы (проблема сейчас в высшей степени актуальная!) — повесть А. Малышева «Тринадцатый кордон». Так или иначе в этих произведениях возникает перед писателями необходимость представить своих героев в трудовой сфере. Но все же не она стала главным средством вы-

явления личности героев. Мы находим чаще описания трудового процесса или судеб тружеников, чем характеры и жизненные конфликты, воплощенные в них, и в очерках М. Усова, В. Чернова, в очерковой повести К. Пронской «Разведчики».

Хотя и не бесспорной, но все же удачей можно считать появившуюся несколько лет назад повесть «Созвездие ярлыги» А. Губина. Трудно железнодорожников посвящена повесть С. Дроздова «Оползни».

Более других теме труда рабочего человека верен В. Чернов. Ей посвящено почти все написанное им. Достоинством недавно появившейся его повести «Оранжевый день», представляющей собой часть будущего романа «Королевский краб», прежде всего является преимущественное внимание к труду. Труд признается мерилем подлинной человеческой ценности. В то же время это отнюдь не чисто производственная оценка человечности. Ценность каждого человека зависит, по мнению писателя, одновременно и от того, как он трудится, и от его нравственных качеств; причем это не сумма, а сплав (именно сплав!) производственных и нравственных критериев. Осуществляется же такая проверка человека только в труде, особенно в моменты напряжения всех физических и нравственных сил, в моменты «штормов». В любой работе есть свои «штормы». В повести «Оранжевый день» это был действительно настоящий шторм, настигший маленький коллектив семерки, бота, совершавшего отлов крабов. Вот тогда-то Серега, мечтавший что настанет день, когда он удивит всех своим геройством, понял, кто чего стоит.

Когда-то рассуждал он, что «платят не за работу, а за должность, которую ты занимаешь, и выходит, надо устраиваться, чтобы поменьше вкалывать и побольше получать». Серега не знал еще, что такое ответственность; должность, по его мнению, это прежде всего возможность большего заработка,

чем у всех остальных, возможность покрасоваться перед окружающими. Поэтому иметь хорошую должность приятно.

В последние годы многих советских писателей привлекала проблема ответственности человека, должного в силу своего общественного положения направлять деятельность других людей, проблема соответствия человека занимаемому в обществе месту. Эти проблемы волнуют Ю. Бондарева в романе «Горячий снег» (сопоставление двух командиров — Кузнецова и Дроздовского), В. Липатова в повестях «Сказание о директоре Прончатове», «Лида Вараксина».

В. Чернов убеждает нас в том, что рано или поздно состоится проверка человека на должность, т. е. соответствует ли человек тому месту, которое занимает в жизни.

В тяжкие часы шторма оказалось, что обыкновенные, ни на что не претендующие парни Вася Батаев и Костя Ильюшиц не только отличные товарищи, но и умелые организаторы; выдержал, как всегда, такую проверку и старшина Карпович, до последних мгновений жизни выполнявший свою роль старшего в маленьком коллективе семерки. А вот Серега оказался не на высоте. В трудную минуту не нашлось у него ни мужества, ни настоящей трудовой сноровки.

Когда вернувшихся краболовов спрашивают: «Значит, героями себя вели?», — они отвечают: «Какой там героями! Обыкновенно, как всегда. На работе, можно сказать, были».

Этот шторм был только моментом работы, и в сущности действительно все вели себя как обычно. Только все в их поведении было заметнее — перед лицом смертельной опасности.

Труд формирует коллектив, проверяет каждого на прочность, в труде только выяснилось, кто и на что способен, какое кому в жизни занимать место.

Если сопоставить повесть В. Чернова с романом Г. Владимова «Три

минуты молчания», то становится очевидным, что один и тот же материал (оба пишут о труде рыбаков в крайне суровых условиях) привел писателей к разным выводам. У героев Г. Владимова нет ничего за душой, в их собственной жизни нет неразменных ценностей, а в момент шторма они не в силах бороться за себя, за свой корабль.

Героям повести Чернова есть для чего жить. Они ценят государственное добро, они понимают, что их труд нужен людям и что их жизнь представляет ценность для общества. Автору следует только пожелать, чтобы, продолжая работу над романом «Королевский краб», он полнее, с разных сторон выписывал характеры, пристальнее искал за внешним простодушием не только мужество, но и богатство и красоту души.

Труд действительно стал содержанием нашей жизни. Мы настолько привыкли к этому, что иногда забываем и пытаемся искать ответы на вопросы, которые ставит жизнь, вне того горнила, где рождаются и эти вопросы и ответы на них.

В нашем крае, где заводские трубы и нефтяные вышки давно уже стали такой же приметой, как и тугой золотой колос, не меньше интересного, увлекательного, трудного, чем на Камчатке или Крайнем Севере. Есть у нас свои «штормы». К сожалению, писателей нередко влечет экзотика отдаленных мест. Впрочем, это тоже неплохо. Но еще лучше, если они раз и навсегда почувствуют, что труд интересен везде, что не только за тысячами километров, но и рядом с нами возникают сложные конфликты, совершаются подвиги, закаляются характеры. Да и о том не стоит забывать, что люди, живущие рядом, ждут произведений, которые бы вдохновенно рассказали об их жизни.

ТАТЬЯНА БАТУРИНА